

**Моральный баланс социального государства
и правда леволиберального дискурса**

© 2020 г. Л.Г. Фишман

*Институт философии и права УРО РАН,
Екатеринбург, 620062, ул. Софьи Ковалевской, д. 16.*

E-mail: lfishman@yandex.ru

Поступила 19.02.2020

Статья посвящена выявлению объективной роли леволиберального дискурса в контексте современного кризиса философских, моральных и идеологических оснований государства всеобщего благосостояния. Показывается, что в моральном и идеологическом плане социальное государство являет собой компромиссное сочетание локального этатистского и экономического утилитаризма и универсалистского либерально-социалистического гуманизма. Описывается оптимальный моральный баланс социального государства, который достигается в рамках этого «ограниченного универсализма». В силу разрушения данного баланса становится необходимостью поиск новых философских, моральных и идеологических оснований социальной политики. Сейчас этот поиск разворачивается в рамках леволиберального дискурса, который невольно способствует неолиберальной «политике фрагментации». Тем не менее, он разрушает отжившие свое морально-идеологические основания прежнего социального государства, в то время как оппонирующие леволиберальному дискурсу левые и правые популисты пока способны выдвигать только утопические лозунги его возрождения или защиты.

Ключевые слова: популизм, леволиберальный дискурс, моральный баланс, национализм, ограниченный универсализм, социальное государство, утилитаризм.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-5-12-24

Цитирование: *Фишман Л.Г.* Моральный баланс социального государства и правда леволиберального дискурса // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 12–24.

Moral Balance of the Social State and the Truth of Left-liberal Discourse

© 2020 Leonid G. Fishman

*Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
16, Sophia Kovalevskaya str., Ekaterinburg, 620062, Russian Federation.*

E-mail: lfishman@yandex.ru

Received 19.02.2020

The article focuses on revealing the objective role of left-liberal discourse in the context of the current crisis of philosophical, moral and ideological foundations of the welfare state. The author shows that morally and ideologically the social state is a compromise combination of local statist and economic utilitarianism and universalist liberal-socialist humanism. One can see the description of optimal moral balance of the social state, achievable within the framework of this “limited universalism”. Due to the destruction of this balance, it becomes necessary to search for new philosophical, moral and ideological bases of social policy. Currently, this search is unfolding within the framework of left-liberal discourse, which involuntarily contributes to the neoliberal “fragmentation policy”. Nevertheless, it destroys the obsolete moral and ideological foundations of the former social state, while the left and right populists, who oppose the left-liberal discourse, are still capable of only putting forward utopian slogans of its revival or protection.

Keywords: populism, left-liberal discourse, moral balance, nationalism, limited universalism, social state, utilitarianism.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–5-12-24

Citation: Fishman, Leonid G. (2020) “Moral Balance in the Social State and Truth of Left-liberal Discourse”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2020), pp. 12–24.

После брекзита и Трампа только ленивый не обрушился с язвительной критикой на западных левых либералов, всяческих сторонников политкорректности, политики идентичности и борцов за права разного рода меньшинств. В вину им ставилось то, что их постмодернистская философия и вытекающая из нее политика фрагментируют общество, дискриминируют большинство и, главное, разрушают ради этого существующее государство всеобщего благосостояния, играя на руку неолибералам. Неудивительно, писали критики, что избиратель их наказал. Критика такого рода «дискурса» (по выражению Бориса Кагарлицкого [Кагарлицкий 2017]) справедлива. Тем не менее, в данной статье мы исходим из того, что данная критика не может непредвзято раскрыть объективную роль «дискурса» в процессах, разворачивающихся вокруг борьбы левых и правых на фоне кризиса социального государства. Сторонников леволиберального дискурса следует воспринимать в контексте кризиса моральных и идеологических оснований прежнего государства всеобщего благосостояния. Следствия, которые имеет политика, проводимая под влиянием «дискурса», во многом обусловлены не столько им самим, сколько институциональной и философско-политической конфигурацией самого социального государства. На фоне кризиса морально-идеологического баланса государства всеобщего благосостояния критикуемый дискурс леволибералов имеет за собой некоторую долю неприятной для его критиков «правды».

Сегодня актуальна проблематика борьбы против неолиберальной экономической и социальной политики и за сохранение (реформирование, развитие) социального государства. Общепризнано, что «старые левые», начиная от коммунистов и заканчивая

социал-демократами, усилиями которых социальное государство приняло свой современный облик, проиграли эту борьбу и либо прекратили свое существование в качестве самостоятельной политической силы, либо проводят ту же неолиберальную политику – что, в сущности, означает то же самое. Особенно ярко это видно на примере социал-демократии ряда стран ЕС.

В то же время, на смену «старым левым» идут левые и правые популисты. И тем, и другим не чужды лозунги борьбы за утрачиваемые гражданами социальные гарантии. Сейчас левые популисты, кое-где придя к власти, уже успели потерпеть поражение. На очереди правые, которые вряд ли достигнут большего успеха. В своё время А. Очкина заметила: «Негативизм в оценке социальных реформ в современной России большинством населения, нежелание перемен в социальной сфере вообще и восприятие реформ как наступления на права, а не просто удорожание или снижение качества услуг позволяють нам говорить об образе советского социального государства как доминирующем элементе протестной мотивации в современной России» [Очкина 2014, 202]. Если заменить в этой цитате Россию на Европу, «большинство населения» на левых и правых популистов, а «советское социальное государство» на «государство всеобщего благосостояния», то получится вполне адекватное описание ситуации. Образ потерянного рая, т. е. утраченного социального государства, господствует в головах как старых левых, так и современных левых и правых популистов. Кроме лозунга возрождения, реставрации, обновления и т. д. социального государства у них, по большому счету, за душой нет ничего. И если для правых популистов такая ситуация в общем естественна, то про их левых оппонентов этого сказать нельзя.

Социальное государство как моральный и идеологический компромисс

Философская основа государства всеобщего благосостояния в том виде, в каком мы ее застали, является следствием не только классового, но морального компромисса. Социалистическая (коммунистическая) идея в принципе интернациональна, антиутилитарна и, по большому счету, антигосударственна. Для коммунизма нет «эллинов и иудеев», равно как и полезных и бесполезных людей. Каждый человек достоин удовлетворения всех своих потребностей не «по труду», а только в силу того, что он есть. Государство же – аппарат насилия в руках господствующего класса; к нему следует относиться с изрядной долей осторожности, а в будущем ему нет места. Поэтому изначально социалистическое и коммунистическое движение развивается в рамках альтернативных институтов, борющихся против буржуазных ценностей почти во всех сферах повседневной жизни. Идеи социализма и анархо-коммунизма воплощаются «в грамотных и хорошо организованных народных контркультурах, которые проецировали солидарность на рабочем месте и общине на все сферы отдыха, образования и культуры» [Davis web]. Словом, практическая реализация морально-политического императива «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» не подразумевает уточнений «в рамках национального государства» и «в зависимости от социальной полезности». Одним из следствий принятия таких уточнений стало моральное и идеологическое крушение европейской социал-демократии с началом Первой мировой войны. Другим же является то сочетание национального-этатистского и экономического утилитаризма, которое (в разных пропорциях) лежит в философских, идеологических, моральных основаниях современных государств всеобщего благосостояния.

Поэтому социальное государство, вопреки укоренившейся иллюзии – это в своих философских основаниях не левый проект. Оно изначально создавалось не левыми силами и не для реализации левых требований, а силами, скорей, консервативными – и для достижения социальной стабильности в рамках национального государства эпохи индустриального капитализма. Иными словами, социальное государство в первую очередь создавалось «для своих», да и то не всех, а лишь полезных для государства и экономики граждан (подданных). Оно было предназначено для экономически и в прочих отношениях «эффективных» среднего и рабочего классов, но не для беднейших.

И когда в 1980-е годы эта модель государства начала пересматриваться, то произошло это с согласия тех, для кого оно и было создано: «урок в том, что средний и рабочий классы голосовали за свой классовый интерес, поддержав Рейгана и Тэтчер и открыв дорогу неолиберального реформирования социального государства» [Atherton 1989, 177–178].

В основе современного социального государства лежит государство национальное, и национализм является одним из важнейших его идеологических источников. Как замечает Й. Радкау, «каждому члену нации национализм предоставлял в воображаемую собственность огромную страну и обосновывал это право самой природой. В этом он походил на семью, чье особое покровительственное излучение объясняется тем, что человек принадлежит к ней благодаря рождению или браку... “просто так”, в силу одной лишь своей физической природы, понимаемой в качестве части природы коллективной» [Радкау 2014, 280–281]. Таким образом, социальное государство опирается на «национальное сообщество как братскую силу национальной интеграции» [Як 2017, 326]. Национальная обусловленность социального государства с течением времени была философски оформлена в концепции «социального гражданства» [Kivisto 2007, 2–4]. Принципиально здесь то, что существующие в рамках национальных государств представления о правах человека неизбежно ограничены локальной культурой и узлами локальной солидарности, даже если излагаются на формально универсальном либерально-гуманистическом языке. Поэтому в определенных ситуациях (что мы видим на примере евроскептицизма) угроза подрыва социальных прав коренного населения может восприниматься как угроза национальной идентичности и национальному суверенитету. Что, в свою очередь, позволяет предполагать, что правых популистов и идущих за ними граждан не интересует социальная проблематика, а озабочены они исключительно наплывом мигрантов, угрожающих их образу жизни. Как считает З. Бошам, «вопрос не в том, что европейские социал-демократы не смогли донести свое экономическое послание, и не в том, что идея перераспределения богатства вдруг стала непопулярной. Дело в том, что экономические проблемы просто отступили на второй план... В свою очередь это привело к тому, что некоторые из наиболее политически значимых нематериальных проблем, касающихся расовых вопросов, самобытности и национализма, оказались в центре внимания западных избирателей» [Бошам web]. Однако в такого рода рассуждениях упускается из виду, что проблемы, касающиеся «расовых вопросов, самобытности и национализма» настолько переплетены с «идеей перераспределения богатств» в социальном государстве, что для ряда избирателей вопросы перераспределения вполне адекватно выражаются на националистическом языке. Здесь вступает в дело специфическое для гражданина национального социального государства «сочетание расчетов личного интереса, чувств лояльности к сообществу и убеждений о политической легитимности, которое повышает враждебность к нашим соперникам и подрывает сдержанность» [Як 2017, 381–382].

После Второй мировой войны левые силы изменили облик социального государства, добавив к его локально-национально-консервативным идеологемам и практикам универсалистско-гуманистические. Но это не означало исчезновения изначальных философских основ. Социальное государство не стало универсально-гуманистическим, в соответствии с желаниями левых и либералов, оно стало скорей выглядеть как воплощение своего рода *ограниченного* универсализма. Более того, универсализм социальной политики фактически явился последовательным развитием именно национально-государственной установки – принципа равенства прав и достоинства *всех* людей, принадлежащих *одной* гражданской нации. Поэтому и целям защиты реально существующих социальных государств в большей мере отвечает правый популизм, апеллирующий к «своим», полемически заостренный против политики, подчиняющей страну внешнему руководству (Брюссельским бюрократам) и наводняющей страну «чужими». Авторы доклада о благосостоянии и иммиграции в Европе не без оснований утверждают, что «популистские» правые партии являются одновременно антииммиграционными и «про-перераспределительными» движениями [Hansen, Legge 2015, 2]. Совсем не удивительно, что программы правых популистов в социальном плане

воспроизводят программы старых коммунистов и социал-демократов – они писались для граждан национальных государств, которыми и осознают себя в первую очередь сторонники правых популистов. Да и в целом популисты – это те, «чьи родители голосовали за коммунистов», как электорат Марин Ле Пен, и непременно «люди из Откуда-то», в отличие от «людей из Везде» [Сох 2017, 11–13].

А что же левые? Что сегодня подразумевается под левизной? Ставший привычным со времен морального краха Второго Интернационала ответ на этот вопрос гласит: борьба за социальные реформы и эмансипацию все больших групп населения, предоставление им все больших возможностей – и все это в рамках национального государства. Из такого понимания сегодня вытекает лозунг борьбы за социальное государство и против неолиберальной политики. Это же понимание экстраполируется и на обозримое будущее. Наиболее радикальный из возможных его вариант предполагает, что неолиберальный откат будет преодолен именно на путях *восстановления* «институционального, распределительного социализма, но уже не в виде изолированных и враждующих между собой сообществ, а в планетарном масштабе» [Коряковцев, Вискунов 2016, 650]. Однако трудно не заметить, что «распределительный социализм» в планетарном масштабе невозможен как простое увеличение национального государства всеобщего благосостояния до глобальных размеров. Национальная государственность – не просто «вид» или форма социального государства, которая может быть отброшена; *это его неотъемлемая составляющая*. Иными словами, социальное государство в планетарном масштабе уже не будет собственно *государством*, в котором обитают *граждане* – ему потребуются совсем другие философские, моральные, правовые и идеологические основания.

Большинство левых популистов не заглядывает столь далеко. Они, впрочем, как и «старые левые», выступая в защиту социального государства, фактически борются за то, чтобы описанный выше его ограниченный универсализм со всеми противоречиями, восходящими к моральному краху столетней давности, сохранился и в будущем. Нынешняя ситуация расценивается ими как досадное временное отклонение, вызванное происками сильного, но, в принципе, устранимого в рамках наличного порядка вещей, врага. Как верно замечает Б. Куни, *левые популисты исходят из мифа об эпохе неолиберализма, которая прервала счастливую эпоху государства всеобщего благосостояния*. Сформировалось «антинеолиберальное мировоззрение, рассматривающее современные проблемы как результат плохо администрируемого капитализма, а не капитализма как такового». «Если придерживаться волонтаристского взгляда на неолиберализм как этап капитализма, навязанный благодаря деятельности неолиберальных политиков, не менее логично и то, что можно явочным порядком навязать возрождение «нового курса», без оглядки на экономические условия» [Куни web]. Если начать снова хорошо администрировать капитализм, то можно будет спокойно вернуться к старой доброй социал-демократической политике, социальному государству. Все снова возвратится на круги своя, наподобие избирательного цикла, в котором правые силы у власти сменяют левых и наоборот.

Иными словами, левые борются за право оставаться в морально-политическом типике, выход за пределы которого для них возможен только на пути последовательного морально-политического универсализма (интернационализма и открытой борьбы за социалистическое и коммунистическое переустройство общества). Но с этого пути сошли уже старые левые, и за ними продолжают пока следовать их популистские наследники, пытаясь проводить политику, типичную для старой социал-демократии. Они вынуждены на словах противостоять сокращению социального обеспечения, но на деле поддерживать политику сокращения государственных расходов, вступать в коалиционные правительства и выходить из них под угрозой потери популярности и ввиду невозможности эффективно помочь малоимущим и т. д., как например, поступает финский «Левый альянс» [Andersson web], или откровенно капитулировать перед брюссельской бюрократией, как это произошло с греческой «Сиризой». Но брошенное левыми популистами знамя охотно поднимают правые популисты – ничуть не меньшие

защитники социального государства. Иными словами, «борьба за социальное государство» – это борьба, которую правые популисты имеют никак не меньшие основания, чем левые, воспринимать как свою борьбу. И если левые популисты всего лишь борются за социальное государство, то, по большому счету, они мало чем отличаются от популистов правых. Показательно, что даже с точки зрения его защитников, левый популизм предстает как «единство прогрессивных людей», которое «будет создано не как предлагают представители правого популизма – исключив из него мигрантов, – а путем выбора противника из неолиберальных сил» [Muff web]. Иными словами, левый популизм предстает почти таким же «единством прогрессивных людей», как и правый, а самоопределяется он преимущественно негативно – по отношению к неолибералам и правым популистам. Если учесть, что правые популисты тоже обычно не являются сторонниками неолиберализма, то грань между этими двумя видами популизма начинает выглядеть еще более зыбкой.

Неудобный призрак

Какое же место в этой картине занимает обличаемый с точки зрения классово-ориентированного марксистского подхода леволиберальный дискурс? Та часть левых, которая настаивает на своем антирасизме и антифашизме, а также на множестве других «анти-», придерживается политической философии, призванной быть продолжением и развитием прежнего гуманистического универсализма и интернационализма. С точки зрения М. Леви, сегодня формируется «новая интернационалистическая культура», компонентами которой являются:

«1. Остатки старой социалистической традиции пролетарского и революционного интернационализма, сохранившейся среди левых социалистов, критических коммунистов, анархистов, в таких организациях, как Четвертый интернационал – а также в культуре новых левых 1960-х годов.

2. Экология...

3. Антирасизм, спонтанное движение солидарности с иммигрантами – африканскими, арабскими, азиатскими или турецкими – отрицающее националистическую логику исключения.

4. Феминизм, ниспровергающий традиционную патриархальную культуру агрессивного национализма, «мужских» милитаристских ценностей и «героического» патриотического насилия...

5. Сочувствие и солидарность с борьбой жителей третьего мира за освобождение от империалистического гнета, местных диктатур, голода и нищеты.

6. Другие социальные движения, такие, как борцы за права человека, движение геев и лесбиянок, сети христианских социалистов, значительно укрепивших интернационалистические связи в последние годы» [Леви 2010, 81–82].

Универсалистский посыл этой политической культуры заложен, например, в отталкивании от европоцентризма – в пользу признания ценности и других наций и культур; в замещении «государственного феминизма» «рыночным и глобальным» [Kantola, Squires 2012, 389]; или же в защите прав сексуальных меньшинств, которая подразумевает за ними признание такого же человеческого достоинства, как у натуралов. Этот вариант универсализма, правда, имеет дело с абстрактными мужчинами и женщинами, представителями национальных, культурных, сексуальных меньшинств, описывая их как отдельные категории, претендующие на особые права. Поэтому, как справедливо считает Б. Кагарлицкий, такой «универсализм» на практике порождает «логику фрагментации» [Кагарлицкий 2017, 26]. На деле же это скорее призрак и «негатив» старого левого гуманистического универсализма, воспринявший у последнего преимущественно критицизм по отношению к части наследия «старого мира», против которого боролись и прежние коммунисты и социалисты. Он позволяет части левых питать иллюзию того, что именно они и являются полноправными наследниками подлинно революционной традиции. Однако программа действительно гуманистических

и коммунистических социальных преобразований вряд ли может быть построена на таком негативно-иллюзорном основании. Вместе с тем, надо заметить, что нельзя объяснить приверженность «негативному универсализму» со стороны приверженцев леволиберального дискурса одной только интегрированностью их в истеблишмент или очередным «предательством интеллектуалов». Тут мы имеем дело не только с тревожащим левую совесть призраком прошлого, но и, как ни парадоксально, со стратегией расширения рамок наличного «ограниченного универсализма» за счет включения в его охват ряда новых социальных категорий.

Леволиберальный дискурс и разрушенный оптимальный моральный баланс welfare state

Глобализация и неолиберальная политика бросили прямой вызов тому, что можно назвать *оптимальным моральным балансом* государства всеобщего благосостояния. Государство всеобщего благосостояния предполагает в моральном плане сочетание альтруистической аргументации в пользу необходимости заботиться обо всех своих гражданах и молчаливого допущения, что они при этом останутся не менее экономически эффективными и ответственными, чем прежде. Иными словами, они сохраняют прежнюю мораль самодостаточных индивидов (self-owners) и связанную с ней трудовую этику. На другом уровне это выглядит как противоречивое сочетание государственного обязательства обеспечить благосостояние всем и капиталистического рынка, на котором трудящимся блага не могут доставаться без работы.

В итоге право на благосостояние «идет в комплекте» с необходимостью работать. Например, в шведской модели социального государства это означает, что государство, обязуясь обеспечить благосостояние для всех, должно гарантировать и полную занятость. В результате работа, ранее служившая необходимым условием поддержания самоуважения self-owners, становится не являющимся морально необходимым дополнением к базовым социальным правам. В идеале альтруистическая мотивация к общественно-полезному труду была бы естественным продолжением всеобщего права на благосостояние. Но в социальном государстве такая мотивация не может быть последовательной, поскольку оно своим экономическим фундаментом имеет рыночную капиталистическую экономику, подразумевающую частное присвоение прибыли.

Поэтому оптимальный моральный баланс социального государства был достигнут в тот хронологически короткий промежуток «славного тридцатилетия», когда большинство населения уже с благодарностью пользовалось благами социального государства, но еще воспринимало их как подарок судьбы, которым не следует злоупотреблять. Они похожи на бабушку автора журнала «Института Мизеса», П. Булунда, которая «принадлежала к последнему поколению, которое обладало этой особой личностью, имело твердую и глубоко укоренившуюся мораль, было суверенным в жизни, несмотря ни на что – было единственным хозяином своей судьбы... Их мораль гарантировала, что они смогут выжить в любом состоянии. Если бы они оказались неспособными прожить на свою зарплату, они работали бы труднее и дольше... Они с радостью предложили бы помощь тем, кто в ней нуждается, даже если бы нуждались сами, но вряд ли согласились бы на помощь, если бы им ее предложили. Они гордились тем, что были в силах позаботиться о себе; они лелеяли независимость от других... Они считали, что если не смогут сделать это сами, то не имеют права просить о помощи» [Bylund web]. Неизбежное, в силу изначальной противоречивости, разрушение оптимального морального баланса социального государства побудило еще в 1980-е гг. заговорить об «утраченном рае» [Brodin web].

Итак, моральная философия и практика социального государства основывались на молчаливом допущении, что среди нуждающихся в социальной помощи граждан не слишком много совсем бесполезных и что благотворные этические и социально-экономические последствия помощи им превосходят издержки от материальных затрат. Социальное государство с точки зрения своих моральных и философских оснований

не является монолитом, построенным исключительно на универсальных ценностях, которые коварно размывает неолиберальная политика адресной помощи и фрагментации. Оно заботится о гражданах в двух их основных ипостасях – как экономически и социально «полезных» (в таком случае забота о них – эквивалентное воздаяние, присущее «государству долга») и как о несчастных жертвах обстоятельств. Обстоятельства могут быть непреодолимыми и естественными, либо искусственными – тогда речь идет о несправедливости, которая может быть исправлена или компенсирована. Забота о таких гражданах, в смысле моральной мотивации в первом случае мало чем отличается от обычной благотворительности, но во втором затрагивает глубинные философские и моральные основания социального государства, по определению призванного обеспечить некий минимум благосостояния для всех.

В ситуации, когда все больше людей становятся лишними или имеют только «мусорную работу» [Гребер 2014, 151], не дающую ощущения востребованности, утилитарные критерии предоставления социальной помощи (неважно – в «старом левом», националистическом или неолиберальном исполнении) становятся все менее применимыми, в то время как гуманистические соображения в русле концепции «социального гражданства» все еще остаются в силе. «Благосостояние для всех» означает признание положения, когда кто-то таким благосостоянием еще не обладает, несправедливым. Поэтому, если даже социальное государство выступает как «государство милосердия», то оно заботится о своих гражданах не только из чистого сострадания, но ввиду признания за ними *права* на заботу. (Спорность этого права особенно ярко проявляется в США, где универсализм «государства долга» всегда был менее выражен, вследствие чего государство всеобщего благосостояния в большей степени выглядело как «государство милосердия»). Поэтому право на помощь со стороны государства часто воспринимается как плохо аргументированная благотворительность и в моральном отношении постоянно оспаривается с точки зрения христианской и прочей благотворительности [Hendrickson web]).

В условиях, когда человек утрачивает «полезность», позволяющую ему обратиться за социальной помощью к «государству долга», ему остаётся обратиться к лику «государства милосердия». Но в институциональных и философско-политических рамках современного социального государства, сложившихся отнюдь не сегодня и не вчера, это означает позиционировать себя как жертву несправедливости, имеющую право на компенсацию. Леволиберальный дискурс, идеологически обосновывающий выстраивание новых «идентичностей», *просто указывает легальные и морально обоснованные* возможности получения социальной помощи для ставших «беспользными», но не переставших быть гражданами национального государства. Тем не менее, объективное значение данного дискурса не может быть сведено только к этому.

Справедливо утверждают, что апелляция сторонников леволиберального дискурса к разного рода новым «идентичностям» ведет к разрушению прежнего классового единства трудящихся. Но это единство и раньше было весьма относительно. Кроме того, в значительной мере, это классовое единство конструировалось извне – усилиями государства, выделявшего среди граждан в первую очередь полезных для себя и экономики. Так остается и сейчас: во многих странах средний класс, воспринимающийся по инерции как социальная основа экономического процветания западных обществ, пользуется щедрой защитой, в то время как на маргинализированные слои (в которых и формируются новые «идентичности») накладываются повышенные обязательства при фактическом уменьшении прав [Abrahamson 2010, 89]. Должны ли эти, приниженные с самого начала, «идентичности», заботиться о «классовом единстве полезных граждан», из которого они были исключены?

Что объединяет все эти новые идентичности, так то, что ни одна из них не описывается в утилитарно-этикатических или утилитарно-экономических категориях. Этот аспект дискурса левых либералов апеллирует к социальным субъектам, чьей чертой является едва ли не демонстративное отсутствие полезности с точки зрения нужд государства и потребностей экономики. Иммигранты, цветные, представители сексуальных

меньшинств, «прекариат» или, как в феминистской критике, занимающиеся «не имеющим стоимости» домашним трудом женщины – все они описываются как могущие претендовать на какие-то преференции вовсе не потому, что играют важную роль «в общественном разделении труда» и распределении прав и обязанностей. В предельном выражении, подчеркнута непродуктивная «инвалидность должна стать мерилом человечества» [Gullì 2016, 145]. Таким же образом и любой человек имеет право на «базовый безусловный доход» вне зависимости от того, работает он, подлежит ли воинскому призыву и т. д. Наконец, приверженцы леволиберального дискурса апеллируют к тому чувству вины, которое должны испытывать счастливые жители процветающих государств всеобщего благосостояния, вспоминая, что их процветание во многом достигнуто за счет жителей остального мира. Как иронически излагает их позицию один из их американских оппонентов, «левые говорят, что у нас должны быть открытые границы. В качестве причины этого они выдвигают требование социальной справедливости, связанное с убежденностью в том, что Соединенные Штаты разными путями распространяют нищету и страдания по всему миру. Наш статус сверхдержавы обусловлен потреблением и воровством. Мы прошли по всему миру и взяли все, что хотели... Мы обогатили себя за счет мира, и мир находится в ужасном положении, потому что мы существуем как сверхдержава. Это просто несправедливо. Неправильно, что в одной стране всего так много, а в остальном мире – так мало. И поэтому левые верят в открытые границы. И не только открытые границы. Левые выступают за гарантии благосостояния для всех, кто прибывает сюда теми или иными путями... Вы хотите накормить мир, потому что Соединенные Штаты привели к голоду во всем мире, вы хотите, чтобы мир получил бесплатное медицинское обслуживание, потому что Соединенные Штаты не делятся с ним своей медицинской помощью, вы хотите, чтобы у каждого был гарантированный доход?.. Вы хотите, чтобы весь мир пришел сюда? Именно это и должно стать ценой нашего расизма, нашего рабства, нашего фанатизма, нашего феминизма, нашей гомофобии...» [Rush web].

Не трудно заметить, что саркастическое изложение моральной и идеологической позиции сторонников леволиберального дискурса пронизано ужасом перед тем, как его антиутилитарные, антигосударственные, антирасистские и прочие подобные установки подрывают *базовые принципы* современных социальных государств. И это не удивительно – последние являются воплощениями ограниченного эгалитарно- и экономически-утилитарными соображениями универсализма. Леволиберальный дискурс, помимо сказанного, фактически исходит из того, что описанный выше моральный баланс социального государства уже давно нарушен и не подлежит восстановлению. Попытки части левых восстановить прежнее социальное государство, устранив неолибералов, утопичны – для этого понадобилось бы заодно и вернуть прежних приверженных протестантской этике и индивидуализму граждан. Возможно, гражданская мораль новых поколений и не укладывается в спорные идеологические схемы левых либералов, но она явно и не воспроизводит мораль self-owners. С этой точки зрения леволиберальный дискурс, не без перегибов и издержек, нащупывает путь к новому моральному балансу, возможно, более последовательно-альтруистическому.

Но тогда можно ли однозначно утверждать, что адепты леволиберального дискурса «стоят на страже капитализма»? Конечно, этот дискурс способствует политике фрагментации, которая сейчас *частично* играет на руку неолибералам. Риторика интернационализма и морального универсализма подрывает некоторые элементы налично существующего социального государства с пусть и ограниченными, но социальными гарантиями, представленными пусть и в национальных рамках, но по, опять же, универсальным классовым критериям.

Однако в конечном счете антиутилитаристский дискурс левых либералов способствует разрушению принципов любой социальной политики, в основе которой лежит представление о государственной полезности и экономической ценности гражданина. Такова и неолиберальная социальная политика, которую проводят и «старые левые»

в лице социал-демократов именно потому, что *и для тех, и для других приоритетна экономическая эффективность*. Косвенно, хотя и не вполне последовательно, леволиберальный дискурс дискредитирует и саму идею государственности. Апеллируя к государственному принуждению, этот дискурс принуждает его защищать людей, бесполезных для государства и экономики.

Поэтому не случайны постоянные обличения сторонников леволиберального дискурса справа, которые говорят о поощрении социального паразитизма, безответственности, подрыве демократии, культивировании клиентелизма. Показательно, что примерно такие же упреки звучат и слева, дополняясь указаниями на отсутствие «классовой политики». Они бы звучали еще убедительней, если бы не скрывали под собой тоску по временам «классовой политики», главными бенефициарами которой объективно являлись «рабочий класс» и «средний класс», в то время как на прочих универсализм государства всеобщего благосостояния распространялся в значительно меньшей степени. Величайшая ирония заключается в том, что сегодня под словами неолиберального авторитета М. Фридмана «Вы не можете иметь открытых границ в государстве всеобщего благосостояния!», кажется, с одинаковой охотой подпишутся как либертарианцы, так и многие левые и правопопулистские защитники «потерянного рая».

Драма левых, выступающих против неолиберальной политики за социальное государство, заключается в том, что они не имеют представления о действительно альтернативной социальной политике вне идеологических и моральных рамок «ограниченного универсализма», в которых она исторически складывалась на протяжении XX века. В то же время, они обладают отчётливым пониманием, что социальное государство нуждается в радикальном реформировании. Поэтому наследники старых левых, левые популисты, с одной стороны вынуждены действовать в парадигме консервативной реставрации, смыкаясь при этом с правыми популистами, но с другой – все время пытаются покинуть ее пределы.

Левый и правый популизм отражают необходимость изменения социальной политики, до сих пор проводившейся в рамках концепта социального государства. Для правых все выглядит проще и естественней, поскольку они выступают, по большей части, за реставрацию прежнего социального государства для «своих» сограждан и для тех, кто готов культурно, образовательно, социально интегрироваться в существующие национальные государства. Для левых же это борьба скорей за новую *социальную политику*, которая вдохновляется как остатками прежнего социалистического морального универсализма, так и тем, что мы назвали выше негативным универсализмом со всеми его непредвиденными последствиями вроде «политики фрагментации». В этом свете для них борьба за собственно социальное государство, пусть даже и реформированное, уже не представляется самоочевидной политической стратегией. Социальное государство не может сохраниться в своем прежнем виде. Предлагаемые частью левых проекты вроде ведения БОД (безусловного основного дохода), с одной стороны являются продолжением прежнего «ограниченного универсализма» и укладываются в концепцию «социального гражданства». Но одновременно БОД являет собой предел этого ограниченного универсализма. В нем, в этом смысле, нет ничего специфически «антикапиталистического» и антинационального – тут доводится до предела принцип предоставления минимума социальных гарантий всем гражданам, вытекающий из политической философии национального государства. Однако морально-политическое обоснование БОД явно выходит за пределы «ограниченного универсализма»: всякий человек имеет право на минимальный доход только потому, что он человек. Из этого закономерно вытекает требование распространить БОД не только на граждан, но и на иммигрантов, что ведет к подрыву самой концепции социального государства. Точно такой же двойственностью нередко обладает и антирасизм части приверженцев «дискурса». С одной стороны, он выглядит как чистой воды универсалистское морализаторство, игнорирующее границы национальных государств. В то же время, как заметил Э. Балибар, антирасизм нередко скрыто отталкивается от ограниченно-универсалистской позиции гражданского национализма [Balibar web] – неотъемлемой

составляющей философских основ социального государства. Также, выступая против расизма, ксенофобии и национализма, многие левые предпочли бы думать, что борются против фашизма, угрозу которого они видят в лице крайних правых политических сил [Löwy web]. Но ситуация выглядит сложней: борясь с «фашизмом», такие левые в действительности борются с ограниченностью старого социального государства «только для своих», возврата к которому, как мы указывали выше, хотят правые популисты. Апеллируя к интернационализму, левые выступают против ограничений, предопределивших облик налично существующих государств всеобщего благосостояния, чье наследие они во многих других отношениях хотели бы сохранить. Таким образом, либеральные левые, как и левые, находящиеся под влиянием их дискурса, с разных сторон проверяют на прочность границы ограниченного универсализма. Вольно или невольно, они вносят вклад в поиск новых оснований для общественной солидарности в ситуации, когда, по словам П. Розанваллона, прежние философские и этические ее основания утрачиваются [Розанваллон 1997, 181].

Долгие годы быть левым означало – быть последовательным универсалистом, интернациональным социалистом, гуманистом, чья забота в первую очередь обо всем человечестве, как таковом. Быть левым – значило выступать за политику, которая преодолевает, расширяет рамки национального социального государства, рушит остающиеся в нем дискриминационные перегородки, отрицает сложившиеся иерархии идентичностей в пользу еще большего универсализма в подходе к объектам социальной заботы и т. д., обосновывая ее требованиями гуманистического универсального характера. Нравится нам это или нет, но сегодня такая риторика характерна как раз для леволибералов, приверженцев «дискурса». Обладая некоторой преемственностью с прежним левым дискурсом и интернационализмом, сейчас левый либерализм на практике приводит к «политике фрагментации», способствующей неолиберальному разрушению налично существующей социальной солидарности и социального государства. Тем не менее, не следует ограничиваться одними обличениями в адрес этой практики. Объективно она радикально ставит под вопрос идеологические, моральные, философские пределы старого социального государства, в защите которого сегодня объединились левые и правые популисты – очередные претенденты на хорошее администрирование капитализма в рамках национального государства. Но последнее, как показала история XX века, может осуществляться только при наличии угрозы полного слома капитализма. С этой точки зрения, современные левые популисты заинтересованы в наличии более радикальной, чем они сами, политической силы, которая либо вырастет из их собственных рядов, либо сформируется вне их. Но вне их пока только – не слишком приглядный «дискурс». Однако сейчас именно этот «дискурс» выступает в роли крота истории, выполняя работу, которая так или иначе должна быть сделана, в то время как его критикам еще только предстоит стать чем-то большим, нежели то, чем они сейчас являются.

Primary Sources

Atherton, Charles, R. (1989) “The Welfare State: Still on Solid Ground”, *Social Service Review*, Vol. 63, No. 2, pp. 167–179.

Ссылки – References in Russian

Бошам web – Бошам З. Почему левая экономика сдает позиции правому популизму // <http://www.socialistinfo.ru/apriori/6855.html>

Гребер 2014 – Гребер Д. О феномене бесполезных работ // Фрагменты анархистской антропологии. М.: Радикальная теория и практика, 2014.

Кагарлицкий 2017 – Кагарлицкий Б.Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.

Коряковцев, Вискунов 2016 – Коряковцев А., Вискунов С. Марксизм и полифония разумов: Драма философских идей в 18 главах с эпилогом. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016.

Куни web – Куни Б. Против левого экономического популизма. 18.08.2017 // <https://www.nihilist.li/2017/08/18/protiv-levogo-e-konomicheskogo-populizma/>

Леви 2010 – Леви М. Интернационализм XXI века // Отечество или мать-земля? М.: Свободное марксистское изд-во, 2010.

Очкина 2014 – Очкина А. Новое социальное государство как модель посткризисного развития // Логос. 2014. № 2. С. 181–214.

Радкау 2014 – Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

Розанваллон 1997 – Розанваллон П. Новый социальный вопрос. Переосмысливая государство всеобщего благосостояния. М.: Московская школа политических исследований, 1997.

Як 2017 – Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

References

Abrahamson, Peter (2010) “European Welfare States Beyond Neoliberalism: Toward the Social Investment State”, *Development and Society*, Vol. 39, No. 1, pp. 61–95.

Andersson, Li (web) *Where Next for Finland’s Welfare State? An interview*, <https://www.jacobinmag.com/2017/12/li-andersson-left-alliance-true-finns>

Bosham, Zak (web) *Why does the Left Economy Lose Ground to the Right Populism*, <http://www.socialistinfo.ru/apriori/6855.html> (Russian translation).

Balibar, Etienne (web) *Racists and Anti-racists*, www.versobooks.com/blogs/1663-racists-and-anti-racists-by-etienne-balibar.

Brodin, Eric (web) *Sweden’s Welfare State: A Paradise Lost*, <https://fee.org/articles/swedens-welfare-state-a-paradise-lost/>

Bylund, Per (web) *How the Welfare State Corrupted Sweden*, <https://mises.org/library/how-welfare-state-corrupted-sweden>

Cooney, Brendan (web) *Against the Left Economic Populism*, <https://www.nihilist.li/2017/08/18/protiv-levogo-e-konomicheskogo-populizma/> (Russian translation).

Cox, Michael (2017) “The Rise of Populism and the Crisis of Globalisation: Brexit, Trump and Beyond”, *Irish Studies in International Affairs*, Vol. 28, pp. 9–17.

Davis, Mike (web) *Old Gods, New Enigmas. Notes On Historical Agency*, <https://catalyst-journal.com/vol1/no2/historical-agency-davis>

Greber, David (2004) *Fragments of an Anarchist Anthropology*, Prickly Paradigm Press, Chicago (Russian translation).

Gulli, Bruno (2016) *Earthly Plenitudes: A Study on Sovereignty and Labor*, Temple University Press, Philadelphia.

Hansen, Ole-Petter Moe, Legge, Stefan (2015) “Trading off Welfare and Immigration in Europe”, *Discussion Paper Series in Economics, Norwegian School of Economics, Department of Economics*.

Hendrickson, Mark W. (web) *Christian Charity and the Welfare State*, <http://www.visionandvalues.org/2011/04/christian-charity-and-the-welfare-state/>

Kagarlitsky, Boris (2017) *Between Class and Discourse. How Left Intellectuals Serve Capitalism*, Higher School of Economics, Moscow (in Russian).

Kantola, Johanna, Squires, Judith (2012) “From State Feminism to Market Feminism?”, *International Political Science Review / Revue internationale de science politique*, Vol. 33, No. 4, pp. 382–400.

Kivisto, Peter (2007) “Marshall Revisited: Neoliberalism and the Future of Class Abatement in Contemporary Political Discourse about the Welfare State”, *International Review of Modern Sociology*, Vol. 33, No. 1, pp. 1–19.

Koryakovtsev Andrey, Viskunov Sergey (2016) *Marxism and Polyphony of Reason: Philosophical Drama in 18 Chapters with an Epilogue*, Kabinetny Ucheny, Moscow; Ekaterinburg, 2016 (in Russian).

Löwy, Michael (web) *Ten Theses on the Far Right in Europe*, www.versobooks.com/blogs/1683-ten-theses-on-the-far-right-in-europe-by-michael-lowy

Löwy, Michael (1998) *Fatherland or Mother Earth? Essays on the National Question*. London: Pluto Press, 1998 (Russian translation).

Muff, Chantal (web) In Defence of Left-wing Populism, <http://www.socialistinfo.ru/apriori/6934.html>

Ochkina, Anna (2014) “The New Welfare State as a Model of Post-crisis Development”, *Logos*, 2014, No. 2 (98), pp. 181–214 (in Russian).

Radkau, Joachim (2008) *Nature and Power: A Global History of the Environment*, Cambridge University Press (Russian translation).

Rosanvallon, Pierre (2000) *The New Social Question. Rethinking the Welfare State*, Princeton University Press (Russian translation).

Rush, Limbaugh (web) *A Test for Millennials: Is Universal Basic Income Sustainable?* <https://www.rushlimbaugh.com/daily/2017/09/05/universal-basic-income-isnt-sustainable/>

Yak, Bernard (2012) *Nationalism and Moral Psychology of Community*. Chicago (Russian translation).

Сведения об авторе

ФИШМАН Леонид Гершевич – профессор Российской академии наук, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

Author's Information

FISHMAN Leonid G. – Professor, Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.